

Текст как главный объект лингвистики и обучения языку

Г.А. Золотова

Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова

МГУ им. М.В. Ломоносова

1. Известно, что лингвистика XX века развивалась, поднимаясь по ступеням укрупняющихся единиц: фонема (фонетика, фонология) – морфема (морфемика, парадигматика, словообразование) – лексема (лексикология) – словосочетание, предложение (синтаксис). С середины века проявляется интерес к выходу за пределы предложения, к поискам единицы большей, чем предложение (назывались сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, абзац и др.).

К концу XX века языковедов разных направлений объединяет уже признаки *текста* важнейшим лингвистическим объектом.

Язык дан человеку или создан человеком для речевого общения, текст – продукт и средство коммуникации. Текст и говорящее лицо становятся ориентирами исследовательского процесса.

2. Что представляет собой наука о языке на этом этапе своего развития?

Изучая элементы языка как части целого в их служении тексту, лингвистика получает более надежную опору для идентификации языковых единиц: тройственный критерий – “значение – форма – функция” вместо двойственного “форма – значение”, очевидно недостаточного. Грамматика, строившаяся на морфологических показателях, все более осознает релевантность признаков структурно-семантических. Выявление первичной минимальной единицы синтаксиса – *синтаксемы* – позволяет уточнить принципы связей между элементами, частями коммуникативного целого, сходства и различия, закономерности, обуславливающие их функционирование в коммуникативном процессе, а также классификации и типологию явлений. Грамматика становится не просто рубрикационной, но интерпретационной, объяснительной.

Новым, современным видением предмета лингвистика поверяет сложившиеся на разных этапах представления, во многом противоречивые, и, освобождаясь от того, что отжило, делает научное знание более последовательным. Вместе с тем все более отчетливо выявляются зоны незнания.

3. Что выигрывает от этого теория и практика обучения языку?

Разумеется, чем более четко выстраиваются в голове преподавателя системные, закономерные связи между явлениями языка, тем больше он может дать своим ученикам, тем ближе они к результату. Легче, конечно, скользить по протоптанной дорожке, но по своему опыту знаю и ценю, что преподаватели РКИ интересуются полезными научными идеями, иногда и больше, чем работающие с русскими студентами.

Как, в каком порядке соединять в обучении морфологическую парадигматику с представлением о конструктивных и текстовых функциях именных и глагольных форм? – Это задача опытных методистов, каких у нас немало на кафедрах для иностранцев. Ведь не заучивают студенты звучание неродных слов отдельно, а значение их – в следующем семестре.

Анализ языковых явлений в единстве их значения, формы и функции обнаруживает взаимные усилия семантики, морфологии и синтаксиса в порождении речи. Соответствующий комплекс вопросов *что? как? для чего?* к значимым единицам – от синтаксемы до конститутивных единиц текста – направляет на поиск ответов, какой смысл выражает данная единица, какими средствами, какие свои возможности она реализует, участвуя в построении предложения и в построении текстов разных коммуникативных типов.

Грамматические наблюдения, раскрывающие семантическое и коммуникативно-функциональное назначение изучаемых языковых форм, активизируют мотивированность восприятия учащихся, приближают к овладению речью, повышают заинтересованность – и языковую, и социально-культурную – в самом процессе обучения.

4. Возникает, естественно, необходимость определить понятие текста, поскольку и в его трактовке есть разногласия. Восходящее этимологически к латинскому *textus* (ткань, сплетение, связанность), слово *текст* определяется нередко через признаки цельности и связанности (см., например, Литературный энциклопедический словарь, М., 1990). Боюсь, что эти признаки и возвращают нас скорее к трикотажному изделию.

Текст – это прежде всего смысл, кусочек смысла или кусок, или глыба. Смысл как послание человека человеку, порожденное коммуникативным намерением или потребностью, выраженное языковыми средствами, устно или письменно.

Дискутируемый вопрос об объеме, о протяженности высказывания не кажется принципиальным для признания его текстом. Протяженность определяется условиями и необходимостью общения, самовыражения.

Если вы сказали – *Спасибо!* незнакомому человеку, придерживавшему перед вами дверь или поднявшему оброненную вами варежку, коммуникативный акт состоялся, соответствуя и обстоятельствам и требованиям этикета.

Но когда Л. Толстого спросили, что он хотел сказать романом “Анна Каренина”, он ответил, что может только повторить все, что написано в романе.

Несомненно, от объема и сложности текста зависят и задачи его изучения. Для интерпретации языковых, структурных особенностей текста может быть достаточен больший или меньший фрагмент его.

Контрастность приведенных двух примеров очевидна, как по объему, так и по содержательности, значимости. Но объединяет их важная черта текста как такового: текст дает представление о говорящем, об авторе. “Образ автора” как внутренний стержень текста – понятие, введенное В.В. Виноградовым.

Автор, говорящий обнаруживает себя не только как индивидуальность, но и в существующих приемах организации, структурирования текста.

5. Непременным условием анализа должно быть выявление общих структурных единиц текста, не языковых, а “речевых единиц”, по Виноградову. В продолжение его же идей разграничены 5 коммуникативных типов, или *регистров*, речи. Основанием их различения служит прежде всего пространственно-временная позиция говорящего по отношению к содержанию сообщения: говорящий или персонаж-перцептор находится реально или в воображении в хронотопе происходящего, восприятие сенсорное, органами чувств (изобразительный, или *репродуктивный* регистр):

Я здесь, Инезилья, Я здесь, под окном (Пушкин);

Слышит Жилин – едет кто-то сзади... (Л. Толстой);

либо, дистанцированный от хронотопа, говорящий мысленно суммирует информацию (*информативный* регистр):

И с каждой осенью я расцветаю вновь (Пушкин);

Жизнь Оленина шла однообразно, ровно (Л. Толстой);

либо аналитически формулирует обобщающие мысли об общечеловеческих свойствах, выходящие за рамки времени и пространства данного текста (*генеритивный* регистр):

Слово звучит лишь в отзывчивой среде (Чаадаев);

Но знанье есть гарантия движенья (Г. Красников).

Позиция говорящего различается и по его коммуникативным намерениям (интенциям):

а) в монологе он представляет происходящее либо в динамике, в смене действий, формируя *повествовательный* подтип репродуктивного или информативного регистра: *В молчанье, рукой опершись на седло, С коня он слезает, угрюмый (Пушкин); С этого дня князь Андрей женихом стал ездить к Ростовым (Л. Толстой);* либо в статике характеристик, портретов, пейзажей, фоновых картин формирует описательный подтип тех же регистров: *Кисти стояли в вазе щетиной вверх (В. Каверин); Этот странный мальчик отличался необыкновенной молчаливостью (Достоевский);*

б) в диалоге проявляется либо волеизъявительная интенция говорящего, побуждающая адресата к действию (*волеизъявительный* подтип всех трех регистров): *Учитесь властвовать собою (Пушкин); [Фамусов] Молчать! (Грибоедов);* либо эмоциональная реакция на предшествующую реплику или на речевую ситуацию (*реактивный* подтип): *Царь, затряси бородою: – Что? Рядиться мне с тобою! (П. Ершов); “Эх, Ваня, угораздило тебя” (Гоголь).*

В разных комбинациях и пропорциях названные регистры и их подтипы фигурируют в организации текстов любого коммуникативного назначения, что и позволяет видеть в них речевые единицы.

А предложение, как и синтаксема, характеризуется взаимодействием трех признаков: модель, со своим типовым значением и текстовой функцией.

В.В. Виноградовым же проанализированы языковые средства оформления частей текста, несущих различную нагрузку в развитии текстового времени, в сюжетном движении. Это видо-временные формы глаголов, не в бесконечном многообразии оттенков, разновидностей, употреблений, умножением которых увлекаются современные аспектологи, а в четырех основных *текстовых функциях*: аористивно-динамической и перфективной в СВ, имперфективно-повествовательной и имперфективно-описательной в НСВ. Разумеется, важна категориальная семантика глагола (действие, состояние и др.) и имени его субъекта (одушевленного/ неодушевленного, референтного/ нереферентного).

Фрагмент текста, регистрово-однородный, называем *композитивом*, минимально это предикативная единица (даже так называемая “коммуникативная”, если в инорегистровом окружении), чаще – группа предложений, максимально – целый текст. Например, газетная заметка, научная статья обычно бывают выполнены в одном информативном регистре. Внутреннее членение, внутренние связи текста осуществляются не только и не столько с помощью союзов, местоимений, анафор, сколько средствами *таксиса*, понимаемого как взаимная соотнесенность (подобие или различие) в предикативных значениях текстового времени, модальности и лица соседствующих предикатов.

Таков аппарат и инструментарий анализа текстовой структуры, действенность которого продемонстрирована многими авторами “Коммуникативной грамматики” и их последователей.

6. Как же помогают знания о тексте овладению русской грамматикой?

6. 1. Начнем с элементарной единицы *синтаксемы*. Для примера, *в саду, в доме, в городе, во дворе* и под.: форма имени существительного в предложном падеже с предлогом *в*.

Та же ли единица *в бреду, в гневе, в обмороке, в ужасе*? Предлог *в* придает общее значение объема, внутри которого что-то находится. Но семантика слов, представляющих разные категории, предопределяет различия: вопрос *где?* – о месте, локусе мы поставим только к словоформам ряда *в лесу*, а к словоформам

ряда *в бреду* вопрос *в каком состоянии?* (в предлоге *в* здесь ослабевает его конкретно-пространственное значение).

Категориальная семантика делит все синтаксемы на предметные и признаковые. Признаковым свойственны синтаксические функции предиката или определения, предметным – субъекта и объекта. Естественно, что *в бреду*, *в страхе* и под. мы и встречаем в позиции предиката при личном субъекте: – *Не слушайте меня! Ведь я в бреду!* (Б. Ахмадулина); **В обмороке** конный, **Дева в столбняке** (Б. Пастернак); либо в качестве вторичного предиката в осложненном, полипредикативном предложении: *Но Мария Гавриловна сама в беспрестанном бреду* высказывала свою тайну (Пушкин). К неодушевленному субъекту такой предикат может относиться только в поэтической метафоре: **В смертельном обмороке** бедная река *Чуть шевелит засохшими устами* (Н. Заболоцкий).

Локативная синтаксема отличается от рассмотренной синтаксемы состояния многообразием синтаксических возможностей. Ее особенность в том, что в ней соединяются и а) предметное значение места, части пространства и б) признаковое значение местонахождения, местоположения кого-то, чего-то. Примеры:

а) **В лесу** молчанье, тишина (Б. Пастернак); **В поле** было жарко и тихо... **В лесу** парило... (Чехов);

б) **Я – в доме**, дом – **в саду**... (Б. Ахмадулина); *Петр сказал мне, что дядя с матушкой в саду* (Чехов); *Не в лесу* мы, довольно аукать (А. Ахматова).

Таким образом, словоформы типа *в саду* и *в бреду*, сходные морфологически, представляют собой различные семантико-синтаксические единицы.

Известно, что у иностранных учащихся нередко вызывают затруднения русские безглагольные предложения такой синтаксической структуры. И здесь на помощь приходит различие коммуникативных типов текста: примеры группы а) с локативным субъектом характерны для *репродуктивно-описательного* регистра: говорящий характеризует место, которое он воспринимает в своем хронотопе или воображает; в группе б) с локативным предикатом предложения *информативно-описательного* регистра содержат как бы ответ на вопрос о местонахождении субъекта (Ср. пример из Н. Носова: – *А вода где?* – спрашиваю. – *Вода... Там, в колодце...* – *Где ведро с водой?* – *И ведро, – говорит, – в колодце*).

Структура предложения всегда отражает представляемое говорящим объективное положение дел: предикативный признак приписывается (в категориях модальности, времени и лица) субъекту, носителю этого признака. При этом предложения с глагольным предикатом и субъектом в именительном падеже и с согласованием в роде и числе между ними составляют только часть многообразных русских синтаксических моделей.

Строение текста определяется и порядок компонентов. Нормативна для большинства моделей препозиция субъекта, постпозиция предиката. Инверсия в некоторых из приведенных примеров объяснима текстовой интонацией, ритмикой стихотворной строки, внутренними сопоставлениями и противопоставлениями, темо-рематическим членением (как в последнем примере из Ахматовой с так называемым верификативным (по П. Адамцу) эмоционально усиленным, отрицательным рематическим предикатом).

6. 2. Из глагольных форм рассмотрим *инфинитив*. Принято считать его лишенным грамматических показателей лица, времени, модальности. Это справедливо в отношении инфинитива в словарном представлении, извлеченного из речевого контекста. Но живет инфинитив в тексте, и там его синтаксические значения не могут не проявиться. Модальность инфинитиву свойственна потенциальная, соответственно и темпорально действие, названное им, обращено в буду-

щее. Действие не существует в природе без субъекта, без агенса, исполнителя, который и вырисовывается в тексте, не будучи именованным.

Примеры:

Любить?.. но кого же?.. (Лермонтов); *Пойти в театр* – уже, пожалуй, поздно (Евтушенко) – автор размышляет о возможности действия для лирического героя, то есть для первого лица.

Просить, позвать, сказать, что дома! (Грибоедов) – приказание барина слуге, то есть определенному адресату (второму лицу).

Унять старую ведьму! – сказал Пугачев (Пушкин) – приказание адресовано неопределенным исполнителям второго лица.

С ним говорить опасно (Грибоедов); *Уходит лето, не остановить* (С. Орлов): *говорить опасно* любому, *не остановить* никому – субъект обобщенно-личный, третьего лица.

В “Коммуникативной грамматике” (с. 149) инфинитивные предложения систематизированы в таблице, где установлена принадлежность каждого из пяти типов определенному коммуникативному регистру речи.

Вот пример еще возможного непонимания инфинитивного предложения вне текста. В “Сценах из рыцарских времен” Пушкина граф Ротенфельд говорит: “*Помиловать его!*”. Можно понять эту фразу как приказание, повеление. Однако в контексте она прочитывается с другим смыслом. Читаю (с сокращениями):

Клотильда: Нельзя ли помиловать этого бедного человека?..

Ротенфельд: Помиловать его!.. Да вы не знаете этого подлого народа. Если ... пощадить их подлого предводителя, то они завтра же взбунтуются опять... <...>

Рыцарь: Ну, Ротенфельд, ... что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помиловать.

Из текста ясно, что в устах Ротенфельда инфинитивное предложение было не повелением, а совсем напротив, реактивной репликой несогласия, даже возмущенного отказа.

6. 3. С коммуникативными типами текста оказывается связанным и дискуссионный вопрос о категориальном значении глагола как части речи и об основаниях его семантической классификации. Категориальное значение глагола обычно определяется как действие. Но это значение только части глагольной лексики. Действия способен совершать человек, некоторые действия – живые существа. Все предикаты, приписываемые *неодушевленным предметам*, сообщают о состояниях, свойствах, изменениях качества или функционировании технических средств: *человек шагает, пишет, строит, моет, говорит, поет, бежит*, к сожалению, *воюет и разрушает; птицы поют, строят гнезда, кошка ловит мышь* – все эти действия совершаются в меру присущего живым существам разума, воли, целеполагания. Этих критериев лишены предикаты в примерах типа *листья желтеют, тучи плывут, снег тает, солнце всходит, волны бьются о берег, забор обветшал, сирень цветет* и под. Эти глагольные предикаты отличаются критерием *инволютивности*, так же как сообщения о непроизвольном состоянии живых существ, выражаемых и неглагольными средствами: *Шалун уж отморозил пальчик, Ему и больно и смешно* (Пушкин); *Саше не спится, но весело ей* (Некрасов).

Неслучайно синтаксическая синонимия пар с субъектом – стихийным каузатором

Молния зажгла сосну – *Молнией зажгло сосну*

Ветер посбивал яблоки – *Ветром посбивало яблоки*

не распространяется на предложения с одушевленным субъектом действия:

Дед зажег свечу – **Дедом зажгло свечу*

*Мальчишки посбивали яблоки – *Мальчишками посбивало яблоки.*

Сообщения об активных действиях человека и о стихийных проявлениях природных сил различаются, как видим, и своими конструктивными возможностями.

Сказанное позволяет сделать вывод о важности оппозиции *волюнтивность/ инволюнтивность* для систематизации явлений лексики и синтаксиса, а также о роли ее в структуре текста, поскольку лично-акциональные, волюнтивные предикаты – основное средство повествовательных композитивов, а предметно-стативные – описательных композитивов (даже когда граница между композитивами проходит внутри сложного предложения, например: *Когда Петр Михайлович ехал через рощу, гремел гром (Чехов)*).

Выявленная противопоставленность разных типов субъектно-предикатных отношений основана на сущностных признаках моделей предложения: сходстве и различии

- а) в составе структурно-смысловых компонентов,
- б) их конструктивно-синонимических возможностей и
- в) их текстовых функций.

Эти наблюдения подтверждают неоправданность традиционного деления предложений на односоставные и двусоставные. Это устарелое деление проистекает, во-первых, из чисто морфологического ограничения формы подлежащего (субъекта) именительным падежом, что противоречит реальному синтаксическому устройству русского предложения, либо, во-вторых, – при неназванности субъекта (*И скучно, и грустно; Не спится*) – из неразличения языковой модели, в принципе невозможной без субъекта, и ее речевой неполной реализации в условиях контекста, предполагающего известность субъекта говорящему и слушающему.

Избавление учащихся от искусственных синтаксических схем вчерашнего дня облегчит их путь к пониманию смысла и речевой организации реальных русских текстов.

6. 4. Текстовые связи высвечивают и отношения в предложениях осложненных, или *полипредикативных*. Такие компоненты предложений, как инфинитивные, девербативные, не говоря уж о причастных и деепричастных (а иногда и предметные имена в признаковой роли, ср.: *У крыльца они остановились (Паустовский)* и, например, *Дойдя до крыльца, они остановились; Дошли до крыльца и остановились*), выступают носителями предикативных значений времени, модальности и лица, – хотя морфологически и не выраженных, но легко подтверждаемых синонимической перестройкой. Мы варьируем оформление одночленных компонентов предложения, сохраняя количество предикативных единиц и те же значения предикативных категорий, но ориентированных не на момент речи, а релятивно, или таксисно, на соответствующие значения соответствующих предикатов: *Александр Иванович все напутал по дряхлости своей и занятости (В. Панова)*, ср.: *из-за дряхлости своей и занятости; потому что был дряхл и занят, так как..., оттого что...; Дряхлый и занятой, Александр Иванович все напутал* – во всех синонимических перестройках сохраняются причинно-следственные отношения между двумя частями предложения, а также предикативные значения моносубъектности, монотемпоральности и мономодальности.

Это соотношение было определено в “Коммуникативной грамматике” как условие эквивалентности синонимических отношений в синтаксисе одного языка и эквивалентности перевода с одного языка на другой. Правило это получило подтверждение в сопоставительных исследованиях переводов англо-русских и испано-русских. И может быть полезным при обучении неродному языку – и в порождении, и в восприятии речи.

Результативность этой темы и в том, что в процессе работы выявляется соответствие избранного синонимического варианта структуре, смыслу и стилю конкретного текста.

6. 5. Важнейший и трудный аспект изучения языка связан с интонацией и с актуальным членением предложения, или функциональной перспективой (в другой терминологии). Репертуар первичных интонационных единиц – это необходимые подступы, но выбор этих единиц говорящим, их назначение, их комбинирование – это все проблемы чисто текстовые. Только поступательным движением мысли определяется чередование рематических акцентов. Жанр текста, коммуникативная установка, регистровый состав задают его интонационный образ. Понятно, что эта проблематика требует особого доклада. Приведу только свежий пример того, как возможная неоднозначность интонации предложения – даже для носителя языка – снимается только текстом. Недавно, как это слишком часто бывает, радиопередача, которую я слушала, перебилась рекламой какого-то кредита. Она началась с телефонного разговора двух девиц:

– *Тань, ты мне можешь денег в долг дать? Под проценты!*

– *Какие проценты?* (тут я успела подумать: жадничает Таня, но оказалось, совсем наоборот). *Мы же с тобой подруги!* (В Таниной фразе *Какие проценты?* нейтрализовалась интонация вопроса, как бы об условиях займа, и реактивной реплики, отрицающей саму возможность речи о процентах).

7. “Нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения”, – писал академик Л.В. Щерба. При изучении неродного языка этот базисный тезис еще очевиднее. Существенно, однако, что имеются в виду не только значения слов и грамматических форм, а смысл текстов – языка в его общественно-речевом воплощении.

Рассмотрев ресурсы языка и речи, реализующиеся в построении текста, – от синтаксического слова – синтаксемы до коммуникативных регистров, – “Коммуникативная грамматика” устанавливает четыре ступени текстового анализа, ведущие к выявлению авторской *тактики* и *стратегии*. В “Грамматике” представлены анализы различных текстов, демонстрирующие структурно-композиционную и художественно-эстетическую роль языковых средств, динамику авторских приемов. Тем самым преодолевается существующий разрыв между лингвистическим и литературоведческим изучением текста, а грамматика поднимается на уровень гуманитарной науки, науки о человеке, способствуя филологии служить “раскрытию того духовного мира, который стоит за словом” (Л.В. Щерба).

Надеюсь, что этот путь обещает и более успешное, мотивированное и результативное овладение изучаемым языком.

Литература.

1. *Виноградов В.В.* Введение в синтаксис. // Грамматика русского языка. Т. II, ч. I. М., 1954.
2. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.
3. *Виноградов В.В.* Стиль “Пиковой дамы” (1936). // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
4. *Завьялова О.С.* Функции генеритивного высказывания в структуре текста. АКД. М., 2002.
5. *Золотова Г.А.* Категории времени и вида с точки зрения текста. // ВЯ. 2002. № 3.

6. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. Репертуар элементарный единиц русского синтаксиса. М., 1988; 2 издание – М., 2001.
7. *Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; 2 издание – М., 2003.
8. *Козел Н.Я.* Синтаксическая синонимия в способах выражения субъекта предложения. АКД. М., 2002.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
10. *Молина Уэртас Н.* К проблеме эквивалентности таксисных отношений русского и испанского языков (переводческий аспект). // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы Международного Конгресса МГУ. М., 2001.
11. *Ониненко Н.К.* Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса. // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.
12. *Сидорова М.Ю.* Грамматическое единство художественного текста. М., 2002.
13. *Уржа А.В.* Сопоставительный композиционный анализ переводов как метод исследования синтаксиса текста. // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М., 2002.
14. *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.